

## АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОПОЗИЦИИ «МАТЬ И РЕБЕНОК» В ПРОЗЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

© 2014 Л.И.Воронцова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 26.12.2013

Статья посвящена анализу архетипов матери и ребенка как оппозиции, позволяющие наиболее полно охарактеризовать картину мира Людмилы Петрушевской, определить ее специфику.

*Ключевые слова:* гендерная ориентация прозы, архетипы, архетип матери, архетип ребенка.

В традиционном литературоведении взаимоотношению полов при анализе художественных произведений всегда уделялось много внимания, хоть и без использования терминов и понятий гендерологии. Мне видится возможным и нужным рассмотреть гендерной поэтики. Женское творчество – удивительное явление, и обращение литературоведов к этому явлению как части исторической поэтики дает дополнительные возможности анализа произведений. Гендерная ориентация исследований литературы нашла отражение в работах: М.Михайловой, Е.Трофимовой, И.Тартаковской и многие др.<sup>1</sup>. Анализ данной проблемы достаточно подробно представлен в диссертационном исследовании Г.И.Пушкарь, посвященном гендерному аспекту изучения женской прозы. Соглашусь с мыслью Г.И.Пушкарь, о том, что «теория гендера позволяет по-новому интерпретировать произведения художественной литературы, воплощающей женский взгляд на мир (гендерная картина мира), на взаимоотношения полов, а также вносит новое в трактовку женской прозы, значительно обогащает ретроспективный взгляд на историю женского творчества в целом»<sup>2</sup>. Гендерная идентификация женской прозы, безусловно, заслу-

живает внимания, и в рамках данной работы мы рассмотрим малую прозу одного из ярчайших представителей (представительниц) современной литературы. Речь пойдет о Людмиле Петрушевской, а если быть более точным, об архетипических образах, в той или иной мере связанных с гендерной ориентацией прозы писательницы.

Исследователи творчества Л.Петрушевской не раз указывали на схожесть ее произведений с мифологической картиной мира<sup>3</sup>. Для того чтобы прояснить эту мифологическую картину мира и принцип использования архетипа в ней, следует обозначить само понятие архетип. Концепция Карла Юнга «коллективного бессознательного» и архетипа породила одно из главных направлений мифологической критики – архетипную (archetype) критику, которую иногда называют юнгианской. Мифологическая критика всегда прежде всего опиралась на теории Дж.Фрезера (основоположника ритуальной ветви мифологической критики) и К.Юнга. Их многочисленные последователи (Э.Чемберс, Дж.Уэстон, Дж.Харрисон, Ф.Корнфорд, М.Бодкин, Н.Фрай и др.) понимали миф как источник художественного творчества, как высший образец художественности и мудрости. Понимаемый К.Юнгом как основной элемент коллективного бессознательного, как средство передачи из поколения в поколение человеческого опыта, архетип представляет собой систему «способов понимания и переживания мира, имеет априорный, врожденный характер и является сходным у всех людей»<sup>4</sup>. Идеальным проявлением коллективного бессозна-

<sup>0</sup> Воронцова Людмила Ивановна, аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: [lusyok\\_v@mail.ru](mailto:lusyok_v@mail.ru)

<sup>1</sup> См.: Михайлова М.В. Писательницы Серебряного века в литературном контексте эпохи // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9. – Филология. – 2001. – № 1. – С. 35 – 43; Трофимова Е.И. К вопросу о гендерной терминологии. // Летняя школа «Общество и гендер». – Рязань: 2003 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/trofimova.htm> (Дата обращения 17.12.2013); Тартаковская И.Н. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. – 2000. – № 4. – С. 246 – 265; Пушкарь Г.А. Типология и поэтика женской прозы: Гендерный аспект (на материале рассказов Т.Толстой, Л.Петрушевской, Л.Улицкой): Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: 2007.

<sup>2</sup> Пушкарь Г.А. Типология и поэтика женской прозы: .... – С. 39.

<sup>3</sup> См.: Литовецкий М. Трагедия и мало ли что еще // Новый мир. – М.: – 1994. – № 10. – С. 229 – 232; Лебедушкина О. Про людей и нелюдей // Дружба народов. 1998. – № 4. – С. 199 – 208; Рыкова Д.В. Творчество Л.С.Петрушевской. Проблема авторского идеала в контексте христианской культурной традиции: Дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск: 2007; Черкашина С.П. Творчество Л.С.Петрушевской в мифопоэтическом контексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: 2011.

<sup>4</sup> Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. – М.: 1997. – С. 67.

тельно были мифы, образы которых превратились в архетипы, стали основой всего последующего художественного творчества. Проецирование архетипов на литературу – величайшая заслуга К.Юнга. Мы исходим из расширенного понимания понятия «архетип», утвердившегося в современном гуманитарном знании. Архетипы следует рассматривать не только как «первообразы», но и как «вечные образы» литературы. Учитывая все это, следует также отметить, что тот или иной архетип несет на себе не только формальные внешние черты, но и раскрывается в мыслях, чувствах, поведении героев, в их социальной роли.

Можно оттолкнуться от замечания Т.Прохоровой, что в прозе Петрушевской выражен не просто женский взгляд на мир, а именно материнский<sup>5</sup>. Это постоянно подтверждается текстами писательницы. Так один из персонажей пьесы «Лестничная клетка» философски замечает, что «семья в настоящее время не существует... Существует женское племя с детенышами и самцы-одиночки <...> Это как раз самое плохое, самки без детенышей»<sup>6</sup>.

Обратимся к циклу рассказов «Детский праздник», где особенно ярко проявляются архетипические образы матери и ребенка, самые просматриваемые архетипы в текстах писательницы<sup>7</sup>. Эти два архетипа находятся в неразрывной связи друг с другом. Так, на устойчивую архетипическую пару «мать / дитя» указывает М.Липовецкий, рассматривая архетип в творческом сознании Петрушевской как признак лите-

ратурности<sup>8</sup>. Следует также отметить, что в ситуации мать-дитя (или дитя-мать) роли могут меняться, так как дитя (девочка или внучка) становится матерью, как например, в рассказе «К прекрасному городу» шестнадцатилетняя Настя, будучи еще ребенком, примеряет на себя роль матери: «...она взрослый ребенок, который никому не может отказать, добрая душа»<sup>9</sup>. Подобное наблюдается в рассказах «Гимн семье», «Детский праздник», «Йоко Оно».

Прежде всего, следует отметить, что в рассказах и повестях Л.Петрушевской самой частотной становится мифологическая оппозиция, выраженная в следующих вариациях описываемой архетипической пары: «родитель-родной ребенок», «родитель-неродной ребенок», «мать-взрослый ребенок» (носит самый частотный характер), «мать-сын», «мать-дочь».

Архетипическая оппозиция может усложняться третьим и даже четвертым элементом; чаще всего это связано с серийным повтором судьбы: мать-дочь-внучка. Пример этому можно найти в рассказе «К прекрасному городу»: «Маленькая Вика была как две капли воды похожа на свою бабуку, умершую Ларису Сигизмундовну, как будто это Лариса Сигизмундовна явилась с того света хмуρο наблюдать за событиями, не в силах ничего сделать по малости возраста и просто не понимая тут ничего» (С.154).

Если вспомнить, что в архетипическом мифе именно мать участвует в творении людей, то можно говорить, что за образом матери закрепляются архетипические черты Богини-матери. Кроме того, с образом Богини-матери генетически связан и богородичный сюжет, реализующийся не только во внутреннем отношении к ребенку, в его боготворении, но и в восприятии себя как матери-заступницы за всех. С этим связан мотив невинности. Татьяна Прохорова верно подметила, что «именно мать у Петрушевской отказывается делить людей на правых и виноватых, именно ей свойственно жалость и сострадание делать главным нравственным мерилом»<sup>10</sup>. Именно в материнстве раскрываются героини писательницы. Материнство или как минимум факт сохранения беременности для героинь воспринимается как подвиг, самопожертвование, самоотверженность.

<sup>5</sup> Прохорова Т. Расширение возможностей как авторская стратегия. Людмила Петрушевская // Вопросы литературы. – 2009. – № 3 [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/pro7-pr.html> (03.04.2011).

<sup>6</sup> Петрушевская Л.С. Песни XX века: Сб. пьес. – М.: 1988. – С. 156.

<sup>7</sup> См.: Воронцова Л.И. Типология культурных кодов в прозе Л.Петрушевской // Наука и образование XXI века: Сб. ст. Межд. научно-практич. конф. 31 мая 2013 г.: в 5 ч. – Ч.5 – Уфа: 2013. – С. 224 – 227; Воронцова Л.И. Образ ребенка в художественной системе Л.Петрушевской (на примере рассказа «Как ангел») // Литература – театр – кино: Проблемы рецепции и интерпретации: Сб. мат-лов IV Всерос. научно-практич. конф. Самара, 30 ноября – 1 декабря 2012 г. – Самара: 2013. – С. 149 – 154; Воронцова Л.И. Архетипические образы матери и ребенка в творчестве Л.Петрушевской (на примере рассказа «Младший брат») // Язык и репрезентация культурных кодов: Мат-лы межд. науч. конф. молодых ученых, Самара, 11 – 12 мая 2012 г. – Самара: 2012. – С. 176 – 179; Воронцова Л.И. Миф о родовом проклятии как сюжетобразующий элемент в повести Л.Петрушевской «Время ночь» // Сопоставительная филология и полилингвизм: Мат-лы IV Межд. конф. – Т. 2. Аксеновские чтения (Казань, 26 – 29 ноября, 2013) / Под ред. Т.Г.Прохоровой. – Казань: 2013. – С. 181 – 187.

<sup>8</sup> Липовецкий М. Трагедия и мало ли что еще // Новый мир. – 1994. – № 10. – С. 231.

<sup>9</sup> Петрушевская Л. Детский праздник: Истории из жизни детей и их родителей. – М.: 2011. – С. 152. (Далее цитаты из произведений Л.Петрушевской приводятся по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте).

<sup>10</sup> Прохорова Т. Расширение возможностей как авторская стратегия. Людмила Петрушевская [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/pro7-pr.html> (03.04.2011).

Архетип матери в произведениях Л.Петрушевской соотносится с христианским мотивом чудесного зачатия. Есть множество рассказов, где просвечивается этот христианский мифологический сюжет рождения чудесного ребенка. Мать в данном случае выступает как чудесная заступница. Это божественное начало подчеркивается мотивом одиночества женщины, словно в создании жизни нового человека мужчина не принимает участия. Так в рассказе «Два бога» героиня как «суровая» Богиня-мать «родила ребенка *одна, без мужа, без семьи, совершенно отчаянно решив спасти тот сгусточек жизни, о котором ей сказала врачиха, да. Тридцать пять лет, полное одиночество, даже крушение...*» и в этом же рассказе: «*решила сохранить* ребенка. Для себя, как единственно близкое существо» (С. 71, 74). Подобных примеров безмужней жизни находим несчитанное множество: «раз – и родила *безо всякого мужа*» («Гимн семье») (С.156), «Галька, родившая когда-то *тоже без мужа* сына Мишку» («Васеньки») (С.169), «...любимая дочка, поскребыш, переросшая впоследствии в мать отсталого в развитии сына, которого она также родила *без мужа*, как ее мать родила Ваську» (С.167), «Мариночка вдруг быстро разбухла и пошла рожать *без мужа* через год после школы» (С.169) и др. В рассказе «Случай Богородицы» сын своим чудесным появлением на свет сделал свою мать женщиной, это был «один случай на сто, случай Богородицы <...> она легла на родильный стол девственницей» (С.61). Таким образом, мотив появления на свет ребенка становится сюжетообразующим стержнем во многих рассказах писательницы.

В мире Петрушевской представлены разные типы архетипа матери. Чаще всего это одинокая, печальная, тоскующая мать, которая заботится о своем ребенке. Но при всей своей любви к нему, мать, любящая, созидаящая может превратиться в разрушающую, убивающую, как, например, в романе «Время ночь», в повести «Маленькая Грозная», в рассказе «Дитя» и т.д.

Материнский статус создает представление о «матриархальной» ориентированности прозы, определяющей гендерное направление прозы Людмилы Петрушевской. В матриархальном мире писательницы мать часто остается без мужчины. Сын, как правило, мужчиной не становится. Отец ребенка обозначен как «автор ребенка», «предатель интересов семьи». Сам же ребенок в произведениях Л.Петрушевской часто сравнивается с ангелом. Ангелоподобность заявляется самим автором напрямую либо подчеркивается внешним обликом ребенка: «откуда, скажите, у этого *ангела* знание, как одеваются принцы?» и в этом же рассказе «большие хрустальные глазки под копной белых кудрей, про-

зрачные невинные глаза, совершенно невинные ни в чем» («Невинные глаза») (С.81, 85); «два глазика больших, умильный кошачий ротик, всегда сложенный в полуулыбку, с младенчества такое выражение, с колыбельки – довольное, глупенькое выражение доброты и радости» («Беленький мальчик») (С.40). Ребенок для героинь Петрушевской «самое большое сокровище». И в то же время это может быть «плод материнской страсти» (Васеньки) (С.167).

Ангелоподобность примыкает к богородичному сюжету. Кроме того наблюдается некоторая христианская наполненность архетипа ребенка. Дети обладают нежной, ранимой душой, понимают то, чего не понимают взрослые.

Раскрытие архетипа ребенка помимо прочего связано с темой воспитания мальчика (сына, внука) в материнской фратрии. Отсутствие мужчин, женское окружение накладывают определенный отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Так, Анна Андриановна, героиня романа «Время ночь» признается в своем дневнике, что любит внука Тиму «плотски», «страстно»: «О веера! Родители вообще, а бабки с дедами в частности, любят плотской любовью, заменяющей им все. *Греховная* любовь, доложу я вам, ребенок от нее только черствеет и распоясывается, как будто понимает, что дело нечисто. *Но что делать? Так назначено природой, любить. Отпущено любить и любовь простерла свои крылья...*»<sup>11</sup>.

В рассказах Петрушевской ребенок перестает походить на ангела, когда начинается период взросления. Суровый внешний враждебный мир, окружающая среда, реальная действительность оказывают свое разрушающее влияние на ребенка: «...и тут начались дворовые компании, на девочек сильно *повлияла* детская элита микрорайона, самые физические развитые подростки, которые быстро подхватывают образ жизни окружающей среды, т.е. не образ жизни родителей, а общепринятый, общенациональный, общегородской, то есть общий ритм и движение» (С.96).

Уход ребенка от матери связан с одной из составляющих инициационного комплекса (лат. *initiatio* – совершение таинства, посвящение), связанного с взрослением героя, с переходом на новую ступень развития. Здесь имеется в виду момент пересечения героем границы миров (уход из семьи) и нахождение во враждебном мире, где герой подвергается различным испытаниям. Мать часто либо навсегда оставляет ребенка в семье, не позволяя ему стать взрослым (в этом случае наблюдается инфантилизм), либо выставляет на порог, отправляя в мир, тем самым давая возможность выйти за пределы порочного «круга». Но вот парадокс: уходя от матери, ре-

<sup>11</sup> Петрушевская Л. Время ночь / Конфеты с ликером: Истории из жизни. – М.: 2011. – С. 51.

бенок не справляется с испытаниями, выпавшими на его долю (что часто приводит к его гибели либо в прямом, либо в переносном смысле этого слова, к духовной гибели), а это значит, что он не проходит пути взросления. А оставаясь с матерью, он обречен на вечное детство. То есть в обоих случаях герой лишен будущего, что может быть расценено как лишение будущего всего человечества. Это может быть следствием нарушения повествовательной эпической традиции, ведь герой, пройдя часть жизненного пути и ряд испытаний, не предстает в новом статусе человека, не переходит на новую ступень развития.

В ходе анализа архетипической пары матери и ребенка мы приходим к выводу, что они обнаруживают множество вариаций функционирования, они символизируют архетипические для

всего человечества понятия жизни и смерти, продолжения рода, смены поколений. В большинстве случаев Петрушевская раскрывает тему проблемных взаимоотношений между детьми и родителями. Она рисует ситуацию острейшего антагонизма, при котором происходит выявление сильнейшего, способного поработать, насилловать морально, но и физически своего, казалось бы, самого близкого человека. Материнская любовь оказывается мучительной, может приобрести форму тирании. Мать способна порою даже на убийство своего ребенка («Дитя»). Аномальные проявления ролевой функции матери могут быть основаны на мотиве инцеста («Случай Богородицы»). Дитя же у Петрушевской зачастую капризное, больное, агрессивное, упрямое, безрассудное.

### ARCHETYPAL OPPOSITIONS OF MOTHER AND CHILD IN L.PETRUSHEVSKAYA'S PROSE

©2014 L.I.Vorontsova<sup>o</sup>

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article analyses archetypes of mother and child as the opposition, allowing to fully characterise the picture of the world created by Ludmila Petrushevskaya and to determine its specificity.

*Key words:* gender orientation of prose, archetypes, the archetype of the mother, the archetype of the child.

<sup>o</sup> *Ljudmila Ivanovna Vorontsova, Postgraduate of Department of Russian, foreign literature and literature teaching methodology. E-mail: [lusyok\\_v@mail.ru](mailto:lusyok_v@mail.ru)*